

После того как Хэ Ланьлинь закончил говорить, Ли Аньле неспешно допил чашку чая. В теплом павильоне повисла тишина, нарушаемая лишь звуками его глотков да прерывистым дыханием Хэ Ланьлиня.

Сердце последнего было полно тревоги за брата, и он невольно поднял глаза: «Когда же хоу придет спасти моего брата?..»

Говоря начистоту, Хэ Ланьлинь боялся. Боялся, что Ли Аньле, отвернувшись, забудет обо всем, а пережитое унижение станет лишь горьким посмешищем.

Увидев его беспокойство, Ли Аньле лишь рассмеялся громче: «Куда спешить? Разве я нарушу свое слово?» С этими словами он сунул грелку для рук в рукав и обратился к ожидавшей рядом Чжи: «Пойдемте в Зал Умозрительного Совершенства, повидаемся с дядей».

«Господин! На улице такая метель, — поспешно возразила Чжи. — Можно ведь просто послать кого-нибудь с вестью. Зачем идти самому?»

«Я готов пойти, ну и что? — спокойно ответил Ли Аньле. — Или ты теперь будешь принимать решения за меня?»

Сердце Чжи сжалось. Хоу Анле любил предлагать выбор, но все эти выборы были тупиковыми. Согласиться — самонадеянно, отказаться — значит перечить. Одно неверное движение — и можно лишиться жизни.

С глухим стуком, почти касаясь лбом холодной земли, она воскликнула: «Эта служанка не смеет! Эта служанка никогда не посмеет принимать решения за хоу! Эта служанка лишь боится, что ветер и снег заморозят ваше тело, и очень переживает!»

Ли Аньле взглянул на поверженную служанку, затем небрежно махнул рукой: «Хорошо, вставай».

Чжи осмелилась подняться, торопливо приказав подготовить носилки, усталые дополнительным слоем теплых подушек.

Ли Аньле сделал лишь два шага, когда вдруг что-то вспомнил и обернулся, взглянув на Хэ Ланьлиня. «Хэ Ланьлинь».

«Этот слуга здесь», — тотчас откликнулся Хэ Ланьлинь.

«Чжи, — Ли Аньле повернулся к слугам, стоявшим позади, — найди несколько пристойных слуг, чтобы они проводили его вниз, привели в порядок и переодели в приличную одежду». Тон Ли Аньле был непринужденным, но властным: «Когда я вернусь, я хочу видеть чистого и опрятного человека».

«Да», — быстро ответила Чжи, украдкой бросив взгляд на пятна крови на одежде Хэ Ланьлиня. В душе она подумала, что этому заложнику с Северной границы, вероятно, предстоит пострадать. Хоу говорил о чистоте, но кто знает, что скрывается за его словами. «Не беспокойтесь, мой господин, я немедленно прикажу кому-нибудь служить молодому господину Хэлану».

«Не нужно называть его „молодым господином“, — не останавливаясь, перебил его Ли Аньле. — Ты забыла о его нынешнем статусе?»

Сердце Чжии вновь замерло, и она поспешно исправилась: «Да, эта служанка немедленно прикажет кому-нибудь ему услужить».

Ли Аньле наконец остался доволен. Паланкин был быстро подготовлен, и Чжии бережно помогла ему сесть, неоднократно напоминая носильщикам действовать медленно и осторожно, опасаясь потревожить этого драгоценного господина.

Хэ Ланьлинь наблюдал, как паланкин Ли Аньле скрылся в ветре и снегу, затем медленно выпрямился. Он коснулся шеи – на пальцах осталась липкая кровь. Глядя на кружащиеся снежинки, он испытал сложное переплетение чувств. Действия Ли Аньле казались проявлением собственнического инстинкта, желания властвовать.

Но потом он снова задумался и почувствовал себя везунчиком. Если бы Ли Аньле не приехал сегодня во дворец навестить вдовствующую императрицу и не остановился бы в этом уединенном дворе, он, будучи заложником под домашним арестом, не смог бы даже просить аудиенции, не говоря уже о спасении брата. Тот страх, что преследовал его ранее, снова охватил его. Он крепко сжал нефритовый браслет – его прохлада слегка успокоила.

Тем не менее, Ли Аньле уже согласился встретиться с императором, и это была его единственная надежда. Оставалось лишь смириться, привести себя в порядок и ждать возвращения своенравного хоу Аньле.

В Зале духовного совершенствования было тепло и светло, струйки пламени поднимались из жаровни с серебристыми углями. Император, сидя на троне, перелистывал свитки; бронзовые колокольчики на карнизе тихонько звенели. Он лишь нахмурился, когда за пределами зала раздался высокий голос главного евнуха Ли Дэцюаня: «Ваше Величество, хоу Аньлэ просит о встрече...»

«Аньлэ?» Император замолчал, в его голосе слышалось удивление, но еще больше – беспокойство. «Зачем он пришел сюда в такую холодную погоду? Быстро позовите его!»

«Слушаюсь, Ваше Величество», — ответил Ли Дэцюань, затем повернулся и приподнял завесу.

Вскоре вошел Ли Аньле, закутанный в черный плащ, отороченный норкой. «Дядя», — лениво окликнул он, не совершая торжественного поклона, как другие, а лишь небрежно кивнув.

Император привык к его манерам и, улыбнувшись, подозвал: «Садись, тебе холодно?» Затем он приказал Ли Дэцюаню: «Добавь еще два куска древесного угля в жаровню и перенеси ее ближе к Аньлэ. А еще попроси кухню подогреть насколько закусок».

Пока Ли Дэцюань занимался приготовлениями, Ли Аньле уже снял плащ и устроился на мягкой кушетке рядом с императором. Он незаметно спрятал грелку для рук в одежду и зевнул: «Всё в порядке, в паланкине было довольно тепло».

Ли Аньле был любимцем императора, это знали все во дворце. Он был единственным сыном принцессы Ли Минюэ, старшей сестры императора, а его отец занимал влиятельную должность премьер-министра.

Логично было бы предположить, что император будет настороженно относиться к человеку, со столь влиятельной родней, но Ли Аньле был исключением. Когда старшая принцесса была беременна им, произошел дворцовый переворот. В молодого императора была направлена

стрела убийцы. Старшая принцесса бросилась вперед, приняв удар на себя. Хотя она и спасла жизнь императору, она получила серьезные ранения и больше не могла иметь детей.

Ли Аньле родился недоношенным и с раннего возраста был слаб, нуждаясь в постоянном уходе. Старшая принцесса и премьер-министр безмерно любили его, а император, испытывая чувство вины перед сестрой, направил всю свою нежность на заботу о племяннике.

Более того, Ли Аньле был равнодушным и беззаботным человеком. В Чанъане все знали о его слабости к юношам, и у него никогда не было недостатка в красивых слугах. Он не стремился к власти или богатству. Его безобидный облик полностью успокоил императора, и тот обожал его даже больше, чем собственных сыновей, исполняя почти все его просьбы.

«Разве ты не был во дворце вдовствующей императрицы? Зачем ты решил прийти ко мне сегодня?» Император взял со стола цукаты и протянул племяннику. «Вам понравились молочные пирожки, которые приготовили в императорской кухне на днях. Я попрошу Ли Дэцюаня упаковать тебе несколько, чтобы ты взял их с собой».

Ли Аньле, с цукатами во рту, пробормотал: «Я пришел выразить почтение своему дяде, и, кстати, хотел бы попросить у него кое-кого».

Император поднял бровь и отложил кисть: «О? Кого ты хочешь? Тебе приглянулся какой-то конкретный охранник, или тебе нравится каллиграфия ученого из династии Ханьлинь?» Он привык к тому, что Ли Аньле иногда просил какие-нибудь странные безделушки или красивых слуг, поэтому не придавал этому особого значения.

«Это нечто особенное, — небрежно заметил Ли Аньле, — просто мне это показалось интересным».

Император рассмеялся: «Чего бы ты ни захотел, разве твой дядя когда-либо отказывал тебе?»

«Это тот заложники с северной границы, одного зовут Хэ Ланьлин, и его младшего брат зовут Хэ Ланьхэн, он находится в вашей тюрьме».

Император, слегка приподняв бровь, сказал: «О, — сказал он. — Зачем ты вдруг решил за них попросить? Эти дети — заложники, присланные с Северной границы, и по правилам их следует держать во дворце».

«Ко мне за помощью пришёл старший брат», — Ли Аньле наклонился вперед, его тон был слегка кокетливым. — «Этот Хэ Ланьлинь действительно красавец. Когда он стоял на коленях и умолял, его глаза были как у волка. Он как раз в моём вкусе».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17608/1638962>